

Полупанова Анна Владимировна

КОНЦЕПЦИЯ АКТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ В МАССОВОЙ (МИДДЛ-) ЛИТЕРАТУРЕ XX В. ("ТЕОФИЛ НОРТ" ТОРНТОНА УАЙЛДЕРА - "ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА ЗВЯГИНА" МИХАИЛА ВЕЛЛЕРА)

В статье рассматривается роман Т. Уайлдера "Теофил Норт" как "претекст", оказавший существенное значение в формировании авторской концепции "Приключений майора Звягина" М. Веллера в аспекте создания нового типа героя. Внимание уделяется не только преемственности "культурной памяти" М. Веллера, но и актуализации авторами ряда ценностей, выступающих в качестве основы духовно-практической стратегии героев, таких как: активное вмешательство в общий ход жизни, необходимость переустройства ее на началах справедливости и добра, гармонизация окружающей действительности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 161-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

POLITICAL IRONY IN THE ASPECT OF TRANSLATION

Pechenkina Polina Evgen'evna
Vasil'eva Svetlana Leonidovna, Ph. D. in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
vasilyeva_sl@mail.ru

The article discusses the methods of political irony translation, which is the central phenomenon of the French political media-discourse, into the Russian language. Irony translation difficulties are considered as a multifaceted phenomenon created at the morphological, lexical and syntactic levels, as well as grammatical and lexical transformations, which an interpreter uses to reach adequacy in the target language.

Key words and phrases: irony; political irony; political media-discourse; manipulative character; linguistic means; figures of speech; translation of irony; lexical and grammatical transformations.

УДК 8; 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается роман Т. Уайлдера «Теофил Норт» как «претекст», оказавший существенное значение в формировании авторской концепции «Приключений майора Звягина» М. Веллера в аспекте создания нового типа героя. Внимание уделяется не только преемственности «культурной памяти» М. Веллера, но и актуализации авторами ряда ценностей, выступающих в качестве основы духовно-практической стратегии героев, таких как: активное вмешательство в общий ход жизни, необходимость переустройства ее на началах справедливости и добра, гармонизация окружающей действительности.

Ключевые слова и фразы: современная массовая (миддл-) литература; американская литература XX в.; современная отечественная литература; тип героя; проблема деятельного добра; Т. Уайлдер; М. Веллер.

Полупанова Анна Владимировна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет
avrolupanova@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ АКТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ
В МАССОВОЙ (МИДДЛ-) ЛИТЕРАТУРЕ XX В. («ТЕОФИЛ НОРТ» ТОРНТОНА УАЙЛДЕРА –
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАЙОРА ЗВЯГИНА» МИХАИЛА ВЕЛЛЕРА) ©**

«За всякими литературными экспериментами и формалистическими новациями XX век начал постепенно забывать о главной задаче романиста: он должен в первую очередь просто-напросто рассказывать истории, повествовать о приключениях и роковой любви, придумывать благородных героев <...>» [3, с. 61], – с неизменной иронией и, как всегда, предельно афористично пишет Фредерик Бегбедер в своей «последней описи» лучших книг минувшего XX столетия. Нельзя не заметить, что с этой главной, по Ф. Бегбедеру, задачей литературы вполне справляются разные виды и формы беллетристики и массовой культуры, оттеснившие сегодня иные виды словесности, возрождая «забытый» элитарной культурой интерес к фабульной стороне произведения, истории, интриге и собственно герою.

Михаил Веллер (род. в 1948 г.), дебютировавший в печати в 1983 г. как новеллист, мастер короткой прозы, получил широкую известность в 1990-2000-е гг. благодаря своим бестселлерам «Приключения майора Звягина», «Легенды Невского проспекта», «Гонец из Пизы», «Самовар», суммарный тираж которых превысил несколько миллионов экземпляров, а также как автор философских трактатов «Все о жизни», «Кассандра», автобиографического романа «Мое дело», многочисленных эссе и статей о литературе. На наш взгляд, «Приключения майора Звягина» (1991) органично вписываются в тот срез литературы, который можно обозначить как «миддл-литература». Это тип словесности, «стратификационно располагающийся между высокой, элитарной, и массовой, развлекательной литературами, порожденный их динамичным взаимодействием и по сути снимающий извечную оппозицию между ними» [9, с. 312]. Истоки сегодняшней «миддл-», «серединой» литературы, облегченной «серьезности» («серьезность light», по выражению Михаила Ратгауза) – в «молодежной прозе» 1960-х гг., В. Аксенова и А. Гладилина прежде всего, а из ныне работающих авторов к ней с разными основаниями можно отнести, кроме Михаила Веллера, Людмилу Улицкую, Дину Рубину, Дмитрия Быкова, Захара Прилепина, Дмитрия Липскерова, Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Евгения Гришковца. В зарубежной традиции этот тип литературной подсистемы представлен именами Т. Уайлдера, А. Мердок, Дж. Фаулза, У. Эко, М. Павича, Дж. Барнса, П. Зюскинда, П. Акройда, М. Уэльбека, А. Перес-Реверте, Х. Мураками, П. Коэльо.

Для уяснения основных параметров творческого сознания М. Веллера весьма важным становится исследование как очевидных, так и менее явных «претекстов», только эпизодически упомянутых литературных источников, но входящих, однако, в авторскую концепцию действительности на правах ее узловых элементов. В рамках настоящей статьи предполагается рассмотреть контекстуальные переключки «Приключений майора Звягина» с романом американского писателя Торнтон Уайлдера (1887-1975) «Теofil Норт» (1973), носящие не только постмодернистски-игровой характер, но и выступающие в качестве сознательно избранной стратегии письма, проясняющей авторскую позицию. «Роман воспитания» «Приключения майора Звягина», включающий одиннадцать сюжетно не связанных историй, разворачивается на нескольких проблемно-тематических уровнях: прежде всего, на бытовом, событийном, авантюрно-приключенческом, во-вторых, на оценочно-дидактическом, где авторская личность являет себя наиболее целостно и непосредственно, в-третьих, на отчетливо «литературном», наполненном чаще всего прозрачными интертекстуальными переключками. Леонид Борисович Звягин, бывший майор, ныне врач скорой помощи – герой совершенно необычный, каких не знала русская литература. Это не традиционный для русского литературоцентричного сознания тип рефлектирующего героя-интеллекта, а тип человека деятельного и весьма активно действующего, постоянно вмещающегося в естественный ход жизни и передельывающего ее по своему усмотрению. Уволившийся в запас офицер, ощущающий избыток свободного времени и сил, ищет и с легкостью находит точку для их приложения. Звягин подчиняет себе удачу, обстоятельства, судьбу и, заражая своей энергией и напором окружающих, прописывает человеческим душам «циклы антибиотиков». В его представлении жизнь оказывается податливой, «текучей», легко формирующейся субстанцией; направление ее в соответствии с собственным замыслом и волей становится формой самореализации героя.

На внешнем, событийно-бытовом уровне Звягин, подобно герою авантюрного романа, переживает серию приключений, делая счастливыми окружающих его людей. Способность жить чужими заботами и чужой болью, действовать во имя интересов другого – эти качества героя М. Веллера в сочетании с железной волей, целеустремленностью, несокрушимой логикой, опытом, знанием жизни ведут к сначала неожиданным, но от главы к главе все более предсказуемым результатам. Звягин выступает как хороший психолог, которому очевидны скрытые первопричины событий и поступков, как опытный манипулятор, заставляющий окружающих подчиняться его воле, и, наконец, как демиург, творящий новую реальность. В этой последней своей ипостаси герой почти не отличим от автора. Сильный герой-протагонист в окружении слабого большинства – основная коллизия новелл «Что такое не везет и как с ним бороться», «Некрасивая», «Вытрезвитель», «Вольному воля», «Живы будем – не помрем», «Любит – не любит». Мотив силы, направленной во благо, становится основным в романе. Ощущение полноты бытия, способность жить полной жизнью, являясь в ней хозяином, оказываются тем высшим даром, который способен передать Звягин. При этом писатель сознательно проблематизирует свои художественные решения, приводя героя к морально-нравственному релятивизму (глава «Любит – не любит»), а также вводя звягинского антипода, сталкивая майора с контрсилой, разрушающей человеческую личность (глава «Игра в императора»).

Динамичный сюжет у М. Веллера всегда обрамляется авторской рефлексией – внесюжетными элементами, в которых представлена жизненная философия героя, его представления о добре и зле, о собственном месте и месте каждого человека во Вселенной, сформулирована программа его действий. Здесь герой, повествователь и автор опять сливаются в одно целое, а повествование выводится за рамки текущей повседневности, наполняется актуальными и важными смыслами. М. Веллер словно возвращает литературе давно забытые ею функции служить «учебником жизни». Кроме того, Звягин под любые жизненные перипетии подводит своего рода «каркас» из произведений мировой литературы. Вера в действенность слова, в его почти мистическое значение передается и «подопечным» майора, и вместе с ними читателю. Особым образом komponуя шедевры классиков, герой учит возвышаться над своими проблемами, видеть их в контексте общечеловеческого опыта. Единое пространство художественной культуры выступает как способ упорядочивания бытия.

Для М. Веллера установка на диалогичность, диалоговое взаимодействие оказывается и способом порождения собственного дискурса, и формой репрезентации авторского «я», вступающего в сложную систему отношений с другими «претекстами». Если в русской литературе очень трудно найти героев, похожих на Звягина, этого анти-Обломова, то в мировой литературе с легкостью обнаруживается целая галерея таких персонажей – «предшественников» веллеровского майора: это, в первую очередь, Робин Гуд, Мартин Иден, Теofil Норт, Питер Блад. Робин Гуд – герой средневековых английских народных баллад, предводитель лесных разбойников, боровшийся за справедливость; Мартин Иден – герой одноименного романа (1909) американского писателя Джека Лондона, бывший моряк, выходец из низов, составивший программу по нравственному самосовершенствованию, сильный, благородный человек, индивидуализм которого, однако, носит разрушительный характер; Теofil Норт – герой романа Торнтон Уайлдера, молодой преподаватель, зарабатывающий на жизнь частными уроками и тренерской работой в Ньюпорте и ставший «ангелом-хранителем» для большинства жителей этого городка; Питер Блад – герой серии книг (1922-1936) английского писателя Рафаэля Сабатини, вымышленный пират, обладающий острым умом и большим жизненным опытом. Каждый из этих персонажей воплощает какие-то отдельные черты, присущие Звягину.

«Теofil Норт» Торнтон Уайлдера – наиболее важный литературный источник, роман-«претекст», концепция которого пересекается, определенным образом взаимодействуя, с художественным пространством «Приключений майора Звягина». Торнтон Уайлдер вошел в литературу приблизительно в то же время, что и Френсис Скотт Фитцджеральд, Уильям Фолкнер, Эрнст Хемингуэй, Дос Пассос, Томас Вулф. Обладая собственным

неповторимым творческим почерком и художническим чутьем, Т. Уайлдер не «растворился» ни в потоке прозы «потерянного поколения», ни литературы «американской мечты». Во всех его романах, начиная с первого – «Каббала» (1926), соотносящего события в Риме начала XX века с погибшей языческой античностью, и дальше в «Мосте короля Людовика Святого» (1927), описывающем Перу XVIII столетия, и в «Мартовских идах» (1948), воссоздающих переписку персонажей древнеримской истории, – сиюминутное сопрягается с вечностью, обретает философское измерение, предпринимается попытка обнаружить сокрытый фундаментальный смысл, Замысел, или План, в понимании Т. Уайлдера, явлений и вещей. «Теофил Норт» – последний роман писателя, автобиографический, авантюрный, философский – и похож, и одновременно не похож на все остальное его творчество. Это своего рода итог, литературное завещание Т. Уайлдера.

Главный герой произведения – двадцатидевятилетний преподаватель частной мужской школы в Нью-Джерси – летом 1926 года бросает свое поприще, переезжает в Ньюпорт, где когда-то семь лет назад во время войны он служил в форте Адамс, зарабатывает на жизнь обучением детей теннису в одном из казино, а также многочисленными частными уроками и чтением вслух, ведя, по его собственному признанию, «ключковатую» и «странную» жизнь. Норт попеременно примеряет к себе девять поприщ, девять своего рода масок, скрывающих или, напротив, проясняющих истинное лицо героя: святой, антрополог, археолог, сыщик, актер, чародей, любовник, пройдоха, свободный человек. В переломный момент своей жизни он ощущает, как дух игры овладевает им: «Во мне возродился дух игры – не юношеской (которая есть агрессия, ограниченная правилами), но детской игры, которая вся – воображение, выдумка. Я сделался легкомысленным. Дух игры истребил владевшие мной цинизм и безразличие. Больше того, во мне проснулась жажда приключений, риска, охота вмешиваться в жизнь других, радоваться опасности» [7, с. 213-214]. Подобно Теофилу Норту, и Звягин выступает перед читателем в различных ролях, примеряет на себя то одну, то другую маску: прежде всего, он бывший военный, врач, любящий муж и отец, надежный коллега, а кроме того – волшебник, демон-искуситель, Мефистофель, Дон Кихот, Наполеон, супермен, мессия... Оба романа строятся по законам игровой поэтики: в условной модели мира, созданной писателями, действуют игровые законы. Теофил Норт и майор Звягин, подобно опытному режиссеру и кукловоду, играют сами и заставляют окружающих играть заранее предписанные им роли.

Концепция деятельного добра, альтруизм для Тедди Норты – род игры. Делая окружающих людей счастливее, даря им частичку своего сердца (спасая от опрометчивого шага – сумасбродного замужества юную Диану Белл, дочь нью-йоркского дельца; возвращая репутацию дому с «привидениями» и снимая с последнего печать «проклятья»; излечивая от многочисленных недугов и возвращая волю к жизни Джеймсу Мак-Генри Босворту – бывшему атташе и послу в нескольких странах и на трех континентах; помогая обрести свое лицо своему армейскому другу, а ныне – подкаблучнику Рипу; изгоняя из города преступников, штампующих фальшивые бумаги; прививая литературный вкус скучающей женщине, ожидающей ребенка, попутно спасая ее брак...), герой обретает свое жизненное призвание и чувствует себя счастливым сам. Теофил Норт совершает свои благодеяния изящно и непринужденно, словно разыгрывая увлекательную шахматную партию. Аналогия «жизнь / шахматная партия» становится существенным моментом в авторской концепции бытия. Лето одного года, вместившее множество людских судеб, жизненных несправедливостей и неурядиц, маленьких и больших трагедий... Лето, вместившее в себя несколько жизней, прожитых героем в концентрированной, предельно сжатой форме, подобно тому, как сам Ньюпорт вмещает, концентрирует в себе девять городов. Теофил Норт внутренне и внешне абсолютно свободен, и это чувство, настигнувшее героя впервые после четырех с половиной лет преподавательской деятельности, ошеломляет его. Вопреки собственной установке, зафиксированной в дневнике: «Большинство записей в Дневнике – характеристики знакомых людей, с теми биографическими сведениями, которые мне удалось разузнать попутно. Сам я присутствую в нем скорее как свидетель <...>» [Там же, с. 213], – Норту не удается удержаться на позиции свидетеля и тем более стороннего наблюдателя. С его приездом меняется установленный общий ход жизни в городе.

«Либо наша жизнь случайна и наша смерть случайна, либо и в жизни и в смерти нашей заложен План» [8, с. 22], – пишет Т. Уайлдер в своем раннем романе «Мост короля Людовика Святого». «План» жизни Теофила Норты проясняется по мере развертывания его судьбы, обстоятельств, сопутствующих его пребыванию в Ньюпорте. Совершая все свои поступки, он обретает ни с чем не сравнимое ощущение гармонии сам и гармонизирует окружающую действительность. Норт обладает острым умом и наблюдательностью, даром убеждения, природной смекалкой и хитростью, он снисходителен к человеческим недостаткам и слабостям, беспощаден к порокам, но главное – восприимчив к разного рода несправедливости и способен к активному переустройству жизни на началах добра и любви. Он обладает редким даром и редкой способностью принимать чужие беды как свои собственные и действовать во имя интересов другого. Он становится носителем идеи деятельного добра, отчасти схематизированной, как это становится ясно к финалу романа. Проблема деятельного добра, реальное воплощение гуманных принципов, любви, направленной вовне, – тот круг вопросов, на которые мучительно искал ответы писатель во всем своем творчестве и в последнем романе в особенности. Та концепция героя, которая сложилась у Т. Уайлдера в «Теофиле Норте», стала попыткой обрести нравственные основы человеческого существования в трагической, хаотически-пошатнувшейся реальности XX столетия.

Жизненная философия майора Звягина четко прописана М. Веллером в романе. Жить – значит действовать, значит что-то изменять в мире. Человек никогда не может удовлетвориться действительностью и поэтому стремится к дальнейшему, к большему, к лучшему. Бездействие преступно. Авторский идеал прямо

выражен и сформулирован в романе: «Каждый порой мечтает о том, чтобы кто-то сильный, умный и добрый пришел на помощь в тяжелый час. Чтобы он понял твою душу, утешил горести, сказал, что все исправимо, – и исправил. Чтобы он был надежный и всемогущий, и с ним стало исполнимо и просто все, о чем мечтаешь» [5, с. 93]. Философская система М. Веллера, названная им энергоэволюционизмом, в несколько упрощенном виде сводится к следующему: каждый человек существует субъективно на уровне ощущений и объективно на уровне действий. Вселенская функция человека – как можно больше делать. А субъективно человек стремится к максимальным ощущениям, положительным и отрицательным. Природой в человека встроен психологический механизм для того, чтобы он делал как можно больше из того, что может. Человек потакает своим желаниям, преследует свои цели, а в результате как можно больше делает. Все это – одно из проявлений стремления человека к максимальным ощущениям и максимальному действию. Эти идеи получили свое воплощение в финальной главе «Вечные вопросы» «Приключений майора Звягина»: «Смысл жизни человечества – в преобразовании мира. <...> Смысл жизни отдельного человека – внести максимальный вклад в преобразование мира. Что и выражено в старой истине: человек должен делать самое большее, на что он способен» [Там же, с. 474]. К похожей идее пришел и Т. Уайлдер: «Приглядываясь к жизни, мы любим мерить ее понятиями –добро” и –зло”, но мир выигрывает только от энергии. В этом скрыт его закон, но мы живем недостаточно долго, чтобы ухватить больше, чем два звена в цепи. Вот почему я горюю о краткости бытия» («Мартовские иды») [7, с. 158]. Разные художественные поиски, но во многом схожий итог...

Литературная рефлексия М. Веллера, таким образом, выступает существенным компонентом поэтики «Приключений майора Звягина». Из многочисленных культурных кодов, преломляющихся в образе главного героя, нами рассмотрен один из важнейших, не только связующий роман М. Веллера с «Теофилом Норт» Т. Уайлдера, но и предполагающий на уровне воплощения авторского сознания актуализацию ряда ценностей, выступающих в качестве основы духовно-практической стратегии героев, таких, как: активное вмешательство в общий ход жизни, необходимость переустройства ее на началах справедливости и добра, гармонизация окружающей действительности. Однако жестко заданная схематичность героя и самого сюжетного построения в обоих романах порой перерастают в явную дидактику и слишком прямолинейную моралистичность, вытесняя философскую многослойность и глубину, сам дух экзистенциального поиска, что всегда портит настоящую литературу, ибо, по словам Ф. Бегбедера, «нет ничего скучнее человека, который всегда и во всем прав» [3, с. 72].

Список литературы

1. **Анастасьев Н.** Предисловие // Уайлдер Т. Мартовские иды. Теофил Норт / пер. с англ.; вступ. ст. Н. Анастасьева. М.: Худож. лит., 1981. С. 3-14.
2. **Антонова Е. В.** Гуманистическая традиция в романе Торнтон Уайлдера // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность: в 2-х т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2003. Т. 2. С. 145-147.
3. **Бегбедер Ф.** Лучшие книги XX века. Последняя опись перед распродажей: эссе / пер. с франц. М.: FreeFly, 2005. 192 с.
4. **Веллер М.** Все о жизни. СПб.: Пароль, 2004. 751 с.
5. **Веллер М.** Приключения майора Звягина. СПб.: Пароль, 2003. 479 с.
6. **Тух Б.** Selfmademan: Михаил Веллер // Тух Б. Первая десятка современной русской литературы: сб. очерков. М.: Оникс 21 век, 2002. С. 81-121.
7. **Уайлдер Т.** Мартовские иды. Теофил Норт / пер. с англ.; вступ. ст. Н. Анастасьева. М.: Худож. лит., 1981. 543 с.
8. **Уайлдер Т.** Мост короля Людовика Святого. Мартовские иды. День восьмой: сборник / пер. с англ.; предисл. Д. Урнова. М.: Радуга, 1983. 704 с.
9. **Чупринин С.** Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с.

CONCEPTION OF ENERGETIC CHARACTER IN THE MIDDLE LITERATURE OF THE XX CENTURY (“THEOPHILUS NORTH” BY THORNTON WILDER – “MAJOR ZVYAGIN” “SADVENTURES” BY MICHAEL WELLER)

Polupanova Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Bashkir State University
avpolupanova@mail.ru

The article considers the novel by T. Wilder “Theophilus North” as a pre-text influencing cardinaly the formation of the author’s original conception of “Major Zvyagin’s Adventures” by Michael Weller in the aspect of creation of a character’s new type. The special attention is paid not only to the continuity of “cultural memory” of M. Weller, but also to the actualization by the authors of certain values representing themselves as a basis of spiritual and practical strategy of the characters, such as: active participation in the general course of life, necessity for its reorganization on the principles of justice and kindness, harmonization of the reality.

Key words and phrases: modern middle literature; American literature of the XX century; modern domestic literature; type of a character; problem of energetic kindness; T. Wilder; M. Weller.